

Романтика и страсть.
Книги из Франции

Grégoire Delacourt
Danser au bord de l'abîme

Манеж
накратко
пропасты

Грегуар Делакур

Москва
2019

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Д29

Grégoire Delacourt
DANSER AU BORD DE L'ABIME
Copyright © 2017 by Editions JC Lattès

Перевод с французского *Н. Хотинской*

Перевод новеллы А. Доде «Козочка дядюшки Сегена»
М. Кожевниковой

Художественное оформление *М. Коняевой*

Делакур, Грегуар.

Д29 Танец на краю пропасти / Грегуар Делакур ;
[пер. с фр. Н. Хотинской, М. Кожевниковой]. —
Москва : Эксмо, 2019. — 288 с.

ISBN 978-5-04-092449-3

Эмманюэль — любящая и любимая жена, заботливая мать, примерная дочь. Но ее серые будни лишены страсти, остроты, драйва. Однажды в кафе она встречается взглядом с мужчиной и понимает, что незнакомец пробудил в ней забытое желание флиртовать, соблазнять, чувствовать. Благодаря этой счастливой случайности героине открывается новая жизнь, полная надежд, яркая, на разрыв аорты, подобная танцу на краю пропасти. Жизнь, которой надо успеть насладиться, даже если знаешь, что впереди — пустота.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

- © Хотинская Н., перевод на русский язык, 2019
- © Кожевникова М., перевод на русский язык, 2019
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-092449-3

*Девушке, сидевшей
на капоте машины, –
я узнал, что она умеет еще
и соединять людей*

Я пишу, чтобы обжить себя.

Анри Мишо. Пассажи

Часть первая
«ПИВНАЯ АНДРЕ»

- 72 -

— Я отвечу да.

— Тогда я постараюсь не промахнуться с вопросом.

- 71 -

Я помню этот хмель, внезапный хмель всеобщего восхищения, вековые ели, которые никогда не видели такой красавицы. Я помню, что ее встретили, как принцессу. «Каштаны наклоняли ветки, чтобы коснуться ее хоть листочком. Когда она проходила, дрок раскрывал золотые звездочки и окутывал ее своим ароматом...

Добралась до края плато, жуя цветок ракичника, и увидела далеко внизу домик дядюшки Сегена¹ и лужайку. Как же она смеялась! Смеялась до слез.

---

¹ См. рассказ «Козочка дядюшки Сегена» (1866) французского писателя Альфонса Доде (1840–1897), приведенный в заключительной части этого романа. *Здесь и далее примеч. пер.*

— Неужели я могла там уместиться? В такой-то малости?

Забравшись на гору, глупышка решила, что она целая Вселенная. Что ни говори, но этот день был нескончаемым счастьем для козы дядюшки Сегена. Ближе к полудню она повстречала стадо оленей, которые лакомились диким виноградом. Белоснежная беглянка произвела на них огромное впечатление.

У Беляночки голова пошла кругом, она валялась, дрыгала ножками, скатывалась с откоса вместе с сухими листьями и каштанами. Внизу хоп! Она уже на ногах и несется, вытянув шею, сквозь густой кустарник. Вот вскорабкалась на скалу, вот сбежала в балку. Вверх! Вниз! Туда! Сюда! Можно подумать, целое стадо козочек дядюшки Сегена бегают по горам». И я тогда мечтала быть одной из них, увидеть «синие колокольчики, наперстянки с вытянутыми пурпурными чашечками... Целое море полевых цветов, полных полезными соками».

И когда мать, реже отец, читали мне печальную сказку, я плакала не из-за волка, огромного, неподвижного, а из-за ветра, который вдруг поспешил.

Из-за гор, которые залиловели, из-за наступившего вечера.

Из-за этого трагического наречия, которое произнесла тогда Беляночка, наречия, раскрывавшего всю невозможность наших желаний, иллюзию наших вечных блаженств: *уже*.

Танец на краю пропасти

Мне было семь лет, и я знала, что это *уже* кончено; что едва дотронешься, коснешься, попробуешь на вкус — и оно *уже* расплывается, исчезая, оставляя за собой лишь воспоминание, грустное обещание.

Почти тридцать три года спустя я, как маленькая козочка Доде, надеялась продержаться хотя бы до рассвета.

- 70 -

До сих пор мои рассветы имели теплоту ласки — солнца порой или рук моего мужа, моего влажного лона, чащи с ее далекими запахами земли.

Мои рассветы иногда пробуждал смех наших детей в иные весенние воскресенья, их визг, когда на улице выпадал снег и они не хотели идти в школу, предпочитая поваляться в белизне, отпустить тормоза, упасть в мокрый холод, слепить самого большого на свете снеговика.

До сих пор мои рассветы были камешками упорядоченной жизни, данного давно обещания следовать путями, проторенными другими, верившими в идеальные траектории или, за неимением таковых, в добродетельную ложь. Мои грядущие рассветы обещали быть ветреными.

А один из них — бурным.

- 69 -

Если бы мне пришлось в нескольких словах, как перед судом или перед врачом, изложить все, что я почувствовала в самом начале, я сказала бы насущность, головокружение, бездну, наслаждение и добавила бы боль.

Боль, в каком-то смысле.

А под конец, под гибельный и прекрасный рассвет, я сказала бы покой, сказала бы облегчение, сказала бы еще тщету, полет, свободу, радость, сказала бы безумное желание, как говорят безумная любовь.

Да. Безумное желание прежде всего.

- 68 -

Бондю.

Мы жили в большом белом доме на заливе Бондю, в четырнадцати километрах от Лилля. Никаких заборов, никаких оград между разными владениями; наверно, поэтому мой муж отвечал нет, когда наши трое детей просили собаку, — два голоса за бежевого лабрадора, один за голубую веймарскую легавую, — обещая заниматься ею каждый день, честное слово! Честное слово! Нет — потому что зверюга наверняка убежит.

Леа, наша младшая дочь, в слезах предлагала привязывать ее на улице.

Тогда я рассказала ей про Беляночку, козочку с ласковыми глазами, с бородкой, как у сер-

Танец на краю пропасти

жанта, с черными блестящими копытцами, с полосатыми рожками и длинной белой шерстью, которая покрывала ее как плащом, красавицу, которую заперли в темном чулане, а она убежала через окно. Леа пожала плечами, тихонько вздохнула трагически, *уже*, и проронила: но если мы будем ее любить, зачем ей убежать?

Мой муж меня не привязывал и не запирали, а ведь все-таки придет время, и я убегу.

А ведь я любила дружеский уют нашего дома. Оперные арии, которые мы в нем слушали. Дыхание ветра, приносившего порой песчинки из бункеров, и тонкий аромат мшистой травы с полей для гольфа. Я любила нашу старую яблоню во дворе, ее низкие ветви, как любезность. Запахи нашей кухни и даже запах обугленных кастрюль, в которых девочки регулярно готовили жженный сахар. Я любила и запах моего мужа, теплый и успокаивающий. Его туманные взгляды на мои губы, на мою грудь, его манеру любить меня — вежливо, предупредительно, честно и искренне, хоть и всякое бывало. Полюбились мне и его мужество, когда он заболел, я восхищалась отсутствием в нем гнева и в этой жестокой одиссее оценила силы, которых в себе и не подозревала.

Я любила наших двух дочерей и сына, и особенно мысль, что я могу убить за них, вырвать зубами мясо из живого зверя, если они будут умирать с голоду, без страха встретить любую тьму, лишь бы они не боялись.